

© 1998 г., ЭО, № 6

М.Н. Губогло

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (опыт молодежи России)

Процессы последовательного смещения этнической специфики из сферы материальной в сферу духовной культуры в сочетании с той ролью, которую этнический фактор сыграл в развале СССР, оказали значительное воздействие на развитие культурного и психологического плюрализма в постсоветском пространстве, в том числе в России. Усиление этнического фактора противоречиво влияет на ситуацию многокультурности: с одной стороны, расширяется база для развития национальных культур, с другой – сокращаются масштабы межкультурных взаимодействий.

Переходное время порождает маргинальность. Сегодня молодежь России, как и старшее поколение, страдает от неустроенности, дискомфорта, конфликтности. Разрыв между прошлым и будущим, между «розовыми» ожиданиями и прозаической реальностью, между былой «державнической инфантильностью», состоящей в ожидании социальных гарантий, которые обеспечивало социалистическое государство, и неизбежной сегодня необходимостью в личной инициативе, между былым советским законопослушанием и нынешней постсоветской вседозволенностью, а также борьба между ориентированными на Запад реформаторами и учитывающими опыт исторической России консерваторами – эти и другие болевые точки, свойственные переходному состоянию России, с особой силой сказываются на формировании гражданской и этнической идентичности и этнополитических представлений молодежи.

С одной стороны, молодежь сильнее, эмоциональнее, болезненнее, чем среднее и старшее поколение, реагирует на несостыковку времен, событий, фактов, мнений и свершений. С другой стороны, молодежи легче расставаться с прошлым, у нее больше надежд и свежих сил для вступления в будущее. Сегодняшнее соотношение мира и стабильности, вражды и конфликтности среди молодежи в существенной степени определяет завтрашний день общества и будущее России.

Советская идеологическая установка на наличие единой, монолитной молодежи разрушена. Именно поэтому ныне чрезвычайно важно знать, что думают молодые люди о своей стране, о процессе ее реформирования, об общественных идеалах, о национальных взаимоотношениях, каким видят свой путь, как реализуют себя в жизни¹.

Если самоидентификацию личности понимать как совокупность добровольных выборов групп и коалиций для отождествления себя с ними и для вхождения в их состав полноправными членами, то идентичность в этом случае будет представлять собой такое же количество способов (механизмов) интеграции человека с группой разного уровня и ранга (семья, трудовой коллектив, профессиональный союз, народ, граждане страны, любительская ассоциация и т.п.). О стремлении человека к собственной идентичности, к уникальности своей индивидуальности неоднократно писал Э. Фромм. Если же стремление к идентичности не достигается индивидуальными творческими усилиями, человек, согласно теории Э. Фромма, может обрести некоторый отличительный признак, идентифицируясь с другим человеком или группой. «Раб идентифицируется с хозяином, гражданин – с государством, рабочий – с

компаний, – писал он. – В этом случае чувство идентичности вырастает не из бытия кем-либо, а из принадлежности кому-либо». Способ или форма интеграции с кем-либо происходит на основе характеристики, которая становится социальной ролью, достоянием личности и признается группой для утверждения состоявшегося акта самоидентификации.

Различные формы идентичности как неотъемлемые составные части основных прав и свобод человека и гражданина признаются высшей ценностью. Фундаментальной нормой, одновременно гарантирующей не менее десятка идентичностей, является ст. 19 раздела «Права и свобода человека и гражданина» Конституции РФ. В этой статье приводится номинация идентичностей: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждения, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Эта норма раскрыта в ряде иных статей Конституции, и прежде всего в ст. 1, провозглашающей Россию демократическим правовым государством с гражданским обществом.

Наряду с гражданской, национальной и языковой формами самоидентификации в Конституции РФ признаются права и свободы на обладание и реализацию других форм самоидентификаций и идентичностей: конфессиональной, территориальной, коллективистской, имущественной, профессиональной, семейной, гендерной, политической, культурной.

В России, как и во многих других странах, принято, что каждый гражданин определяет свою гражданскую идентичность (принадлежность к государству) с помощью паспорта и политонима, обозначающего название государства. В России, согласно ее Основному Закону, существуют республики со своими конституциями и другими атрибутами государственности. Все граждане России обретают общероссийское гражданство и гражданство республики проживания. Это реальное или подразумеваемое право (закрепленное или не закрепленное в Конституции РФ) создает немало коллизий, часть из которых важно рассмотреть как с юридической точки зрения – в документах, определяющих правовое поле, так и с социологической – в представлениях молодежи, в том числе в столицах республик РФ.

В соответствии с Конституцией действует федеральный закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. «О гражданстве» (с последующими изменениями и дополнениями) – основной нормативный акт, призванный регулировать вопросы гражданства. В самой Конституции РФ не содержится специальной дефиниции, т.е. определения того, что представляет собой гражданство как юридическая норма. Эта дефиниция включена в текст закона о гражданстве. Впервые серьезные претензии на самостоятельный институт гражданства в республиках России были заявлены на исходе существования Советского Союза. Так, например, в «Декларации о государственном суверенитете Советской Социалистической Республики Адыгея», принятой 28 июня 1991 г., было провозглашено, что, во-первых, «гражданство Советской Социалистической Республики Адыгея является неотъемлемой частью ее суверенитета», во-вторых, «граждане ССР Адыгея одновременно являются гражданами РСФСР и СССР».

Как видно, «щедрость» этой нормы, допускающей существование одновременно трех гражданств – адыгейско-республиканского, общероссийского (РСФСР) и общесоветского (СССР), не знала границ. Если к этому добавить еще и гражданство иностранного государства, то теоретически могли иметь случаи четырехкратной гражданской идентичности. Никому в голову не приходило задаться вопросами: грамотно ли это, комфортно ли человеку с тройным – республиканско-российско-советским – гражданством?

Гражданское самосознание, или гражданская компетентность, – это совокупность прав, свобод и обязанностей человека, вытекающая из правового статуса личности, из сделанного ею самостоятельно выбора своей принадлежности к государству и

обществу. Гражданское самосознание состоит из представлений о себе самом (в связи со своими правами и обязанностями перед государством), о своей социальной роли в деле защиты, укрепления, развития и процветания государства и общества.

Другая, не менее важная дефиниция – гражданское сознание, состоящее из совокупности представлений о государстве и обществе (в связи с добровольной гражданской самоидентификацией и обретением гражданства, на основе чего строится устойчивая правовая связь человека с государством). Гражданское сознание включает осознание (компетентность) и исполнение взаимных прав, обязанностей и ответственности между человеком, гражданином, обществом и государством, являющимся для граждан Родиной. Немаловажны составные части гражданства – гражданское поведение и установки, в том числе оценочные.

Опрос молодежи весной 1997 г. в 16 столицах республик Российской Федерации показал, что особые трудности у нее возникают в связи с формированием гражданской идентификации, т.е. с определением и самооценкой значимости республиканского и общероссийского гражданства. Полностью считают себя гражданами своей республики 91,3% титульной молодежи*. Из этого следует, что выбор республиканского гражданства и конструирование на этой основе гражданской идентичности имеют для молодежи более важное значение по сравнению со всеми иными формами идентичности. Ближайшая по интенсивности проявления истинственная идентичность отстает от гражданско-республиканской на 15%.

В отличие от титульной для русской молодежи в этих же столицах более приоритетно общероссийское гражданство – оно оказалось значимым для 87,6% молодых людей. И если бы дело ограничивалось этим полярным выбором, то можно было бы думать, что титульная и русская молодежь, проживая в одних и тех же городах, как бы ощущает себя гражданами разных государств: первая – республик Российской Федерации, вторая – России в целом.

В действительности указанной поляризации гражданских идентичностей не существует, так как основная часть титульной молодежи считает себя одновременно гражданами России, а значительная часть русской молодежи – гражданами своей республики. О масштабах этой совместимости и взаимной толерантности можно судить по тому, что одинаково важными признали для себя обе гражданственности – республиканскую и общероссийскую – 71,1% титульной и 64,0% русской молодежи. Эти данные – обнадеживающий фактор как для развития взаимной толерантности в сфере межнациональных отношений, так и для создания культурного плюрализма. Тем не менее остается 12,2% титульной молодежи, для которой одновременно важна республиканская и неприемлема общероссийская гражданская идентичность. Типологически полярной является группа русской молодежи (18,8%), для которой, напротив, значимо общероссийское и неприемлемо республиканское гражданство.

Следовательно, для этих двух групп молодежи, признающих единую гражданственность – республиканскую для титульных и общероссийскую для русских, – совместное проживание не привело к формированию оптимальной для нынешней этнополитической ситуации модели двуединой гражданской идентификации. Наличие этих достаточно многочисленных групп молодежи – серьезный фактор этнополитической ситуации, ставящий под сомнение стабильность государственного устройства и эффективность управления государством и его субъектами, а также конструктивное развитие культурного плюрализма.

Раскол части столичной молодежи по вопросу гражданства (республиканское или общероссийское) – в значительной мере следствие соперничества между политическими элитами республик и Центра, результат наполнения суверенитета республик реальным содержанием. При этом особую проблему представляет тот факт, что граж-

* Вместо неудачной дефиниции «коренная нация» в свое время мною был предложен термин «статусная нация», а В.А. Тишковым – «титульная нация» (последний получил более широкое распространение в литературе и СМИ). Оба термина указывают на национальность, именем которой названы республики РФ, кроме Дагестана.

данская (республиканская), этническая и конфессиональная идентичности подпитывают друг друга. Неслучайно в столицах республик РФ каждая из этих идентичностей проявляется сильнее у титульной, чем у русской, молодежи. В конечном счете этнический, гражданский и конфессиональный раскол сегодняшней 17-летней столичной молодежи – одна из серьезных опасностей для стабильности и порядка в завтрашней России.

В 12 из 16 столиц этническое самосознание титульной молодежи является более актуализированным, так как превосходит по силе своего проявления самосознание русской молодежи, в том числе в 1,5–1,7 раза в Нальчике, Владикавказе, Казани и Якутске. Таким образом, указанные столицы четырех республик – Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Татарстана и Якутии – можно считать регионами повышенного риска, потенциальными очагами возникновения межэтнических противоречий на почве самоопределения молодежи по вопросу республиканской или общероссийской гражданственности. К столицам наименьшего риска относятся Ижевск, Йошкар-Ола, Саранск, Чебоксары, где интенсивность проявления национального самосознания титульной и русской молодежи приблизительно одинакова и типологически сходна. Сама по себе интенсивность идентичности, или, иначе, сила, степень, уровень, не вызывала бы тревогу, если бы активные и пассивные формы этой идентичности не были сопряжены с политической и этнической мобилизацией и нагнетанием конкуренции между национальностями.

Между гражданской, языковой и этнической идентичностями существует чрезвычайно тесная связь, о которой не подозревали в советские времена, когда их не принято было манифестировать. Об этой связи красноречиво свидетельствовали многочисленные собрания, митинги и иные акты протеста в республиках России осенью 1997 г. и в начале 1998 г. в связи с отменой графы о фиксации этнической принадлежности в новых паспортах российских граждан. Судя по республиканской периодике, смысл протестов заключался в том, чтобы все три идентичности – гражданская, этническая и языковая – имели фиксированное оформление в соответствии с конституционным правом граждан в виде записи в паспортах.

Введение нового паспорта не только вызвало протесты в республиках и большой общественно-политический резонанс во многих регионах России, но и послужило катализатором вялотекущего процесса подготовки законов о гражданстве в некоторых республиках Российской Федерации. Чувашский национальный конгресс, например, счел целесообразным рекомендовать руководству республики принять закон о гражданстве и призвал чувашский народ бойкотировать новые паспорта. Совещание представителей пробашкирских национальных движений поддержало инициативу введения особого паспорта для граждан Башкортостана и скорейшего принятия собственного закона о гражданстве. На пленарной сессии Государственного Совета Республики Татарстан депутаты постановили ускорить доработку проекта республиканского закона «О гражданстве Республики Татарстан» и вынесли его на рассмотрение Госсовета. В Удмуртии были рассмотрены изменения и дополнения в принятую Конституцию и внесены предложения о включении в ее текст нормы об институте республиканского гражданства. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить.

Отношение к фиксации в паспорте этнической принадлежности, языковому исполнению паспорта с соответствующей общероссийской и республиканской символикой снова раскололо этнические элиты российского общества, особенно в республиках, и развело часть граждан России по разные стороны полемической баррикады, снова выявило неадекватное понимание правовой основы каждой из трех рассматриваемых идентичностей.

При этом раскол произошел не только среди элиты, экспертов и политиков, но и среди части населения. Так, проведенный 29–30 ноября 1997 г. Владикавказским центром этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН репрезентативный социологический опрос показал, что к отсутствию «пятой графы»

в паспорте 42% граждан Северной Осетии отнеслись отрицательно, 43% – позитивно или безразлично и 15% затруднились дать ответ.

Несколько ранее, весной 1997 г. значительная часть титульной и русской молодежи в 16 столицах республик РФ признала значимой для себя, независимо от отношения к фиксации этнической принадлежности в паспорте, свою этническую идентичность.

На местах считают, что внедрение центральной властью паспорта без указания национальности – прямая угроза самобытности и этнической идентификации народов России и ущемление их национальных интересов; курс на широкомасштабную ассимиляцию, в ходе которой все нерусские народы России должны в конечном счете стать русским; отсутствие гарантий прав нерусских этносов и лишение механизма защиты их языка и культуры; одностороннее, имперское по своему характеру решение федеральным Центром вопросов, которые в действительности находятся в совместном ведении Центра и республик; первый крупный шаг к неоунитаризму и ликвидации национально-государственных образований в России; очередное наступление великодержавного шовинизма, несмотря на декларируемые демократические свободы и принципы.

Между тем главная ошибка и противников, и сторонников записи этнической идентичности в паспорте скорее всего состоит в том, что и те, и другие исходят не из личных интересов, а из коллективно-групповых интересов. Для первых важнее всего интересы государства и государствостроительства, или цивилизованного общества, для вторых – интересы своей этнической общности. Ошибки, протекающие из ложной парадигмы, состоящей в переоценке групповых и в недооценке личных прав, приводят участников полемики в конечном счете к односторонним выводам.

Какое дело человеку, для которого этническая принадлежность далеко не безразлична или очень значима, до того, что сведения об отдельных национальностях (этнических общностях), о национальном и языковом составе страны фиксируются в переписных бланках и потом публикуются в «братских могилах» анонимных таблиц? В России, где живет множество различных народов, создано ведомство, именуемое теперь Министерством региональной и социальной политики, имеется ряд государственных, полугосударственных и общественных объединений, функционирует Комитет по делам национальностей при Госдуме РФ, приняты «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», Закон о национально-культурной автономии и некоторые другие официальные акты. Именно поэтому каждый гражданин может урегулировать собственную этническую идентичность с государством на надежной правовой основе. Гражданская идентификация, как известно, удостоверяется паспортом – документом легитимных отношений (связи, союза, взаимодействия) гражданина с государством. Государство, функционирующее на основе Конституции (провозглашенной от имени «многонационального народа Российской Федерации») и исходящее «из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов» (в соответствии с включенными в Конституцию нормами), заботится о создании условий для развития народов России и обеспечении прав граждан, связанных с их национальной (этнической) принадлежностью. В силу этого каждый гражданин вправе фиксировать в договорном с государством документе – паспорте – свою этническую принадлежность. Эта фиксация вселяет в него уверенность в том, что государство не посмеет игнорировать его этническую принадлежность и будет относиться к ней так же бережно и ответственно, с таким же уважением и достоинством, как и к его гражданской идентичности. Для значительной части населения самоопределение по этнической линии не менее важно, чем по гражданской. Неслучайно в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» недвусмысленно указано, что одна из основных целей и задач национальной политики – «обеспечение правовой защиты национальной чести и достоинства граждан».

Нельзя не согласиться с тем, что отмена записи об этнической принадлежности в паспорте лишает человека правовой защиты и не даст ему надежды на то, что госу-

дарство защитит его честь и достоинство, равно как и его этническую идентичность. Некоторые аналитики считают, что Россия вступила в фазу модернизации. Теряя объективные основы, в качестве которых выступают межэтнические различия в определенных результатах человеческой деятельности, актуализированное самосознание находит или пытается найти для себя иные точки опоры. Одной из них, утоляющей жажду этнической идентификации, является запись в паспорте. Логика этнической мобилизации – один из осязаемых факторов развала Советского Союза – засвидетельствовала наличие связи между различными типами идентичности, в том числе между языковой, этнической, политической и гражданской. Неслучайно, видимо, принятые в бывших союзных республиках законы о гражданстве стали важным дополнением в окончательном строительстве независимых государств, воздвигнутых на этнических идеологемах и превратившихся в силу этого в этнократические режимы.

В настоящее время в некоторых республиках Российской Федерации, как уже говорилось, ставится вопрос о необходимости принятия закона о гражданстве, несмотря на то что эти республики являются субъектами Российской Федерации как единого государства, имеющего свой закон «О гражданстве». Принятие подобных законов, если проследить логику этнополитического формирования каждой из стран «ближнего зарубежья», таит в себе некую угрозу единству российской государственности и может привести к обострению межэтнических отношений в самих республиках. Реальность такой опасности подтверждается неадекватным восприятием соотношения республиканского и российского гражданства молодежью в столицах республик в зависимости от национальной идентичности.

Если рассматривать республиканско-гражданскую идентичность вне зависимости от национальности, нетрудно убедиться в наличии разнообразия между республиками. Среди молодежи титульной национальности с общим высоким удельным весом убежденного признания республиканского гражданства (между 97,4% в Майкопе и 80,0% в Сыктывкаре) интервал характеризуется показателем 17,4%. Соответственно среди русской молодежи этот же показатель (размах вариации) составляет 46,2% (между 85,7% в Махачкале и 39,5% в Сыктывкаре), что почти в 3 раза больше, чем среди молодежи титульных национальностей. Более того, во всех без исключения столицах доля титульной национальности, безоговорочно принимающей республиканское гражданство, превосходит долю русской молодежи и молодежи из числа национальных меньшинств с такими же убеждениями о своем республиканском гражданстве. Из анализа данных о различиях в масштабах республиканско-гражданской идентичности следует очевидный вывод.

Молодежь разных титульных национальностей в представлениях о своей республиканской идентичности типологически более сходна между собой, чем группы русской молодежи, рассеянные в столицах разных республик Российской Федерации. Следовательно, адаптация молодежи титульных национальностей к «плодам» постсоветской суверенизации имеет более важную результативность и одинаковость этой результативности, чем восприятие «урожая» суверенизации молодежью русской и других (нетитульных) национальностей. И подобно тому, как в региональном отношении Российская Федерация предстает как бы бесконечно разной страной, подтверждая сомнительный тезис о целесообразности ассиметричной федерации, точно так же различаются представления русской молодежи о своей республиканской гражданской идентификации в зависимости от республики и особенно от столицы проживания.

В отличие от близкого к единодушному признанию республиканского гражданства у титульной молодежи разных столиц имелись серьезные различия в восприятии себя гражданами России. Об этом свидетельствует значительный размах вариации (33,0%) между Ижевском и Нальчиком по доле удмуртской (85,6%) и кабардинской (52,6%) молодежи, без колебаний считающей себя гражданами России. Среди русской молодежи – аналогичный показатель: размах вариации между Ижевском (92,6%) и

Казанью (76,7%) составляет 15,7%, что в 2,1 раза меньше, чем разница между титульной молодежью.

Таким образом, у русской и титульной молодежи отношение к российскому гражданству формируется с точностью до наоборот по сравнению с отношением к гражданству республики проживания. В одном случае налицо единодушное признание республиканского гражданства титульной молодежью и разброс мнений среди русской молодежи, в другом, напротив, единодушное восприятие российского гражданства русской и серьезные несовпадения между титульной молодежью.

Раскол в восприятии двух форм гражданства – республиканского и общероссийского – существует не только в умах и представлениях молодежи, но и в официальных республиканских документах. В самом деле, нет полной согласованности между Конституцией Российской Федерации и конституциями ее республик. Это проявляется прежде всего в том, что в Конституции РФ нет прямой нормы, признающей институт республиканского гражданства и утверждающей право республики наделять своих граждан дополнительным, сверх российского, республиканским гражданством. Гражданин РФ может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство), но это не относится к республиканскому гражданству.

Если республиканское гражданство полностью или хотя бы приблизительно совпадает по объему предоставляемых прав и свобод с общероссийским гражданством, то возникает вопрос о целесообразности подобного (двойного) гражданства. Если же республиканское гражданство дает жителям республики больше прав и свобод, чем по Конституции РФ, то возникает вопрос о противоречиях между законами республики и Конституцией РФ. В итоге образуется заколдованный круг. В связи с этим возникает задача выявления, во-первых, общих положений и юридической основы республиканского гражданства, заложенных в новейших конституциях республик РФ, во-вторых, норм, определяющих принадлежность к гражданству (или признание гражданства), в-третьих, анализа правовой основы способов и условий приобретения и прекращения гражданства. В конституциях республик Российской Федерации имеются серьезные формальные и неформальные, прямые и косвенные различия в определении гражданства и в подходах к выделению норм и положений о гражданстве в самостоятельные разделы.

В конституциях Башкортостана и Карелии статусы гражданина республики и гражданина России определяются с помощью элементарного соединительного союза «и». Близкой является норма, выраженная в конституциях Бурятии, Дагестана, Коми, Северной Осетии (Алании) и Тувы с помощью формулы «одновременно». Согласно конституциям Ингушетии и Саха (Якутии), граждане республики являются гражданами России. Никаких дополнительных уточнений в них не приводится. В Татарстане граждане республики «обладают» гражданством Российской Федерации. Согласно Стелному Уложению (Основному Закону) Республики Калмыкия, гражданство Российской Федерации и Республики Калмыкия является неразрывным. Исключение из общего правила, как отмечается в литературе, – Конституция Чеченской Республики, в которой «устанавливается единое гражданство», т.е. фундаментальная правовая связь гражданина Чечни только с Чеченским государством. Гражданство России на территории Чечни не допускается.

Таким образом, несмотря на разные формулировки и редакционные несовпадения, во всех (кроме чеченской) конституциях признается двойное гражданство, хотя не манифестируется, не декларируется и не раскрывается смысл самого этого понятия.

Если в системе республиканского гражданства не упоминается двойное республиканско-общероссийское гражданство, то это напоминает существовавшую во времена СССР ситуацию. Подобное гражданство, именуемое то "национальным", то "республиканским", не вносило каких-либо существенных различий в правовое положение граждан, живущих в республиках и иных национально-территориальных и административных образованиях. В каждой из союзных республик запись в паспорте

велась на двух языках, указывались республиканское гражданство и национальность обладателя паспорта. Таким образом, в документе для лиц титульной национальности фиксировались все три идентичности: гражданская, языковая и этническая. В нынешних же конституциях республик РФ нет упоминания о двойном (общероссийском и республиканском) гражданстве, и в этом умолчании, вероятно, есть какой-то неведомый нам смысл. По крайней мере включение нормы о двойном республиканско-российском гражданстве бросило бы тень на возможность двойного республиканско-иностранного гражданства, на которое претендовали республиканские авторитеты в борьбе за максимальное расширение своего суверенитета и государственной самостоятельности.

В большинстве республик основной юридический источник утверждения республиканского гражданства – собственные законы или законодательство о гражданстве. Так гласят республиканские конституции. «Основания, порядок приобретения и прекращения гражданства Республики Башкортостан, а также другие вопросы, связанные с гражданством, – гласит ст. 22 Конституции Башкортостана, – определяются Законом о гражданстве Республики Башкортостан». Примерно такие же наименования юридического источника республиканского гражданства имеются в конституциях Бурятии, Дагестана, Карелии, Коми, Чечни, Саха (Якутии), Северной Осетии (Алании), Татарстана, Тувы. В конституциях Ингушетии и Калмыкии юридический источник республиканского гражданства вообще не упоминается.

В процессах демократизации России в укреплении новой основы федеративных отношений немаловажную роль играет договорный процесс, в ходе которого происходит разграничение полномочий и предметов совместного ведения между федеральными и региональными органами государственной власти. Сам по себе договорный процесс не изменяет конституционный статус субъектов федерации и основные права и свободы граждан Российской Федерации и ее субъектов. Однако анализ подготовки и заключения договоров и соглашений о разграничении предметов ведения и полномочий позволяет получить известное представление о том, в какой степени высшее руководство той или иной республики «озабочено» правами человека, правами народов и национальных меньшинств, в том числе правовым статусом гражданской и этнической идентичности.

Так, в соответствии с договором между Российской Федерацией и Республикой Татарстан (РТ) «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти РТ» от 15 февраля 1994 г. органы государственной власти Республики Татарстан осуществляют полномочия государственной власти, в том числе: «решают вопросы республиканского гражданства», а в сферу совместного осуществления полномочий органами государственной власти РФ и органами государственной власти РТ включены: «общие и коллизионные вопросы гражданства». Что касается гражданства в Российской Федерации, то соответствующие вопросы входят в ведение Российской Федерации и ее органов. В другой группе договоров, заключенных с некоторыми республиками, в том числе с Саха (Якутисей), Бурятией, Удмуртией, Республикой Коми, Чувашской Республикой, Чеченской Республикой-Ичкерия, вопросы, связанные с республиканским гражданством, не упоминаются.

Вместе с тем в некоторых договорах имеются оригинальные нормы, в том числе о взаимосвязи гражданской и этнической идентичности. Например, в договоре с Кабардино-Балкарской Республикой (КБР) к совместному ведению РФ и КБР отнесены «вопросы репатриации на историческую родину этнических кабардинцев (адыгов) и балкарцев, проживающих за рубежом, и связанные с этим вопросы гражданства».

На фоне большинства норм, уязвимых с точки зрения легитимности, едва ли не самая корректная и чуть ли не единственная норма, утверждающая двойное («республиканско-иностранное») гражданство, – это Конституция Бурятии. Гражданин этой республики, как гласит п. 3 ст. 12, «может иметь гражданство иностранного

государства (двойное гражданство) в соответствии с законодательством Российской Федерации или международными договорами Российской Федерации и Республики Бурятия». Несмотря на совершенство этой нормы, в ней есть один изъян: она не объясняет, о каком договоре идет речь – о том, который заключен республикой, Россией или о совместном договоре, подписанном руководством республики и Центром.

Формальная фиксация гражданской и этнической принадлежности в паспортах граждан союзных республик б. СССР выявляла не только реальный и декларативный характер суверенитета и самостоятельности этих республик, но и являлась в известном смысле основой для игнорирования национально-этнических интересов титульных и иных национальностей. Проводимая в отношении некоторых народов репрессивная политика создавала общую атмосферу подавления этнической и гражданской идентичности. Неслучайно в декларациях о суверенитете, в документах о независимости и в законах о гражданстве появились нормы о приоритетах, предоставляемых представителям отдельных национальностей, которые носят явно антидемократический характер.

Та же тенденция, хотя и в несколько измененной форме, проявила себя в ходе обретения суверенитета в республиках Российской Федерации, что нашло отражение как в принятых конституциях, так и в некоторых других актах в системе республиканского законодательства. Так, по Конституции Республики Тува, «этнические тувинцы, проживающие за рубежом, имеют преимущественное право перед другими иностранцами в приобретении гражданства Республики Тува». При этом единственный юридический источник приобретения гражданства Республики Тува – только закон самой республики. Создается впечатление, что республика находится как бы вне пределов России. Более того, с правовой и общегуманитарной точки зрения сомнительна цель указанной сверхсамостоятельности – создание приоритетных условий для развития титульной независимости. «Порядок приобретения гражданства, – гласит ст. 31 Конституции этой республики, – определяется с учетом демографической ситуации в Республике Тува и способствует обеспечению устойчивого преобладания коренной нации, защите этнического, культурного и духовного наследия и достоинства».

Таким образом, гражданская идентичность, как никакая другая, устанавливает правовые взаимоотношения между человеком и государством, охватывая взаимные права, обязанности и ответственность, основанные на признании и уважении достоинства, важнейших прав и свобод человека.

Вместе с тем гражданская идентификация чрезвычайно тесно связана с примордиальной формой самоопределения, которая является существенной частью природы человека и подразумевает, что люди в конечном счете ответственны за то, что они собой представляют. В итоге коллизии, возникающие в связи с гражданской, языковой и этнической идентичностью, раскрывают важный процесс деинфантилизации бывших советских граждан, освобождения от государственного патернализма, обретение новых навыков гражданской жизни в условиях культурного плюрализма.

Примечание

¹ Ответить на эти вопросы помогает крупномасштабное исследование молодежи по двум проектам, синхронно осуществленным в марте – мае 1997 г. Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН и Центром социологических исследований МГУ совместно с Университетом Дюка (Северная Каролина, США) и Колумбийским университетом (Нью-Йорк). По проекту «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование» (авторы – Джерри Хафф и Сьюзен Лейманн, США, при участии М.Н. Губогло, Москва) было опрошено 14 139 17-летних учащихся школ, колледжей, техникумов, ПТУ в 16 столицах республик Российской Федерации. По проекту «Молодежь России: три жизненные ситуации» (руководитель исследования по России – С.В. Гуманов) по общероссийской выборке было опрошено 3896 молодых людей в возрасте 17, 24, 31 года. Исследования по обним проектам проводились при финансовой поддержке Фонда Маккартуров, National Science Foundation и Бруклинг Института.

This article was prepared on the basis of the report given by M.N. Guboglo on the scientific conference in Washington (look the resume of the article by N. Glazer). The material for the report and the article was the poll of more than 14 thousand of 17-years pupils of schools, colleges, technical secondary schools, vocational training schools in 16 capitals of the Russian Federation Republics and also the poll on the whole Russian extract about 4 thousand of youth at the age of 17, 24 and 31 years old.

© 1998 г., ЭО, № 6

Н. Г л е й з е р

**МУЛЬТИЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА:
ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО,
РЕЛИГИОЗНОГО И КУЛЬТУРНОГО
РАЗНООБРАЗИЯ**

Каждую страну отличает свое разнообразие, сформированное ее неповторимой историей, складом национального характера, культурой и политикой. В контексте настоящей конференции речь идет, конечно, о сравнении в этом плане США и России. Первое, что бросается в глаза при таком сравнении: разнообразие России является следствием экспансии одного народа по обширным территориям, населенным многими другими народами, которые находятся на разных этапах экономического развития, исповедуют разные религии, говорят на разных языках и принадлежат к разным культурам. Этнокультурное разнообразие США, напротив, явилось в основном следствием иммиграции (как вынужденной, так и добровольной) людей, которые говорят на многих языках и принадлежат ко многим культурам и расам.

Второе бросающееся в глаза различие: в России предполагается, что те или иные национальные группы будут сохранять свой национальный характер; в США, напротив, в большинстве случаев предполагается и ожидается, что они отбросят свои характерные национальные черты, свой язык и культуру и превратятся в нечто иное – в американцев. Эта точка зрения была подвергнута критике в последние десятилетия. Хотя она и не является более общепринятой и повсеместно распространенной, с нею по-прежнему считаются.

Особо хочу подчеркнуть тот факт, что когда в контексте России я говорил о различных группах, то называл их народами, чем они и являются как в общественном сознании, так и по своему складу. Говоря о США, я использовал слово «люди», потому что по складу, по нашим законам и в значительной мере в жизненной практике мы не выделяем народы среди иммигрантов в Соединенные Штаты. Иммигранты прибыли в страну в одиночку или отдельными семьями, причем ожидалось, что со временем все они станут частью однородной страны – США. В последние годы эти ожидания претерпели изменения из-за появившегося мультикультурализма, который, впрочем, не в силах сдержать процессов ассимиляции и интеграции иммигрантов, способствующих созданию «общего русла» в жизни США.

Контраст между разнообразием в результате экспансии и в результате иммиграции является, по моему мнению, центральным при сравнении США и России. Однако этот конфликт имел и определенные черты сходства. В своем движении на Запад из первых колоний на Атлантическом побережье американские первопроходцы и посе-

* Эта и публикуемая выше статья М.Н. Губогло подготовлены на основе докладов, прочитанных на научной конференции "Переосмысление отношений между США и Россией", которая проходила в г. Вашингтоне (США) 26 февраля – 2 марта 1998 г. при финансовой поддержке Фонда Карнеги.